

ПРОЛОГ

Откуда явился он и куда лежит его путь. Он бродит по миру, как бродят по небу созвездья. Он скитается по пыльным дорогам, и только тень его осмеливается идти следом.

Говорят, что он носит в себе силу... но не этого мира.

...даже маги избегают его, ибо он неподвластен им. Кто встанет на его пути по воле судеб или по недомыслию — проклянет день этой встречи...

...помыслы неведомы, избранных он умеет одарить. Дороги служат ему, как псы...

Горные вершины и камни далекого моря, холмы... и ущелья, нивы... его тайну от людей.

...лесов и предгорий, равнин и побережий, тропинки и тракты...

И говорят, что вечно он будет бродить и скитаться. Остерегись встречи с ним — на людной ярмарке...

...или в берлоге отшельника — ибо он всюду...

...И порог твоего дома не услышит ли однажды поступь Скитальца?

Часть первая

ЭГЕРТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Стены тесной таверны уже сотрясались от гула пьяных голосов. После чинных взаимных тостов, после соленых шуточек, после веселой потасовки пришло время танцев на столе. Танцевали с парой служанок — те, раскрасневшиеся, трезвые по долгу службы, но совершенно одуревшие от блеска эполетов, от всех этих пуговиц, ножен, нашивок и страстных взглядов, из кожи лезли вон, лишь бы угодить господам гуардам.

Грохались на пол бокалы и кувшины; причудливо изгибались серебряные вилки, придавленные лихим каблуком. Веером, как колода карт в руках шулера, летали по воздуху широкие юбки; от счастливого визга звенело в ушах. Хозяйка таверны, мудрая тощая старуха, отсиживалась на кухне и лишь изредка высовывала нос из своего убежища — знала, плутовка, что беспокоиться нечего, что господа гуарды богаты и щедры, что убытки возместятся с лихвой, а популярность заведения лишь возрастет стократ...

После танцев гуляки умаялись — шум голосов несколько поутих, служанки, отдуваясь и на ходу поправляя неполадки в одежде, наполнили вином уцелевшие кувшины и принесли из кухни новые бокалы. Теперь, немного опомнившись, обе стыдливо опускали ресницы, соображая, не слишком ли вольно вели себя до сих пор; одновременно в душе у каждой таилась горячая надежда на что-то неясное, несбыточное — и всякий раз, когда запыленный ботфорт будто ненароком касался маленькой ножки, эта надежда, вспыхнув, заливала краской юные лица и нежные шеи.

Девушек звали Ита и Фета, и немудрено, что подвыпившие гуляки то и дело путали их имена; впрочем, многие из гостей уже едва ворочали языком и не могли больше говорить комплименты. Страстные взгляды замутились, а вместе с ними понемногу угасла девичья надежда на несбыточное — когда в дверной косяк над головой Иты вдруг врезался тяжелый боевой кинжал.

Сразу стало тихо; даже хозяйка высунула из своей кухни обеспокоенный лиловый нос. Гуляки оглядывались в немом удивлении, будто ожидая увидеть на прокопченном потолке грозное Привидение Лаш. Ита сначала раскрыла в недоумении рот — а осознав наконец, что случилось, уронила на пол пустой кувшин.

В воцарившейся тишине отодвинулся от стола тяжелый стул; давя ботфортами черепки разбитого кувшина, к девушке неспешно приблизился некто, чей пояс был украшен пустыми кинжальными ножами. Зловещее оружие извлечено было из дверного косяка; из толстого кошелька явилась золотая монета:

— Держи, красавица... Хочешь еще?

Таверна взорвалась криками и хохотом. Господа гуарды — те, кто еще в состоянии был двигаться, — радостно колотили друг друга по плечам и спинам, радуясь такой удачной придумке своего товарища:

— Это Соль! Bravo, Эгерт! Вот свинья, право слово! А ну, еще!

Обладатель кинжала улыбнулся. Когда он улыбался, на правой щеке его у самых губ проступала одинокая ямочка; Ита беспомощно стиснула пальцы, не сводя с этой ямочки глаз:

— Но, господин Эгерт... Что вы, господин Эгерт...

— Что, страшно? — негромко спросил Эгерт Соль, лейтенант, и от взгляда его ясно-голубых глаз бедняжка Ита покрылась испариной.

— Но...

— Становись спиной к двери.

— Но... господин Эгерт... сильно выпимши...

— Ты что, не доверяешь мне?!

Ита часто замигала пушистыми ресницами; зрители лезли на столы, чтобы лучше было видно. Даже пьяные протрезвели ради такого зрелища; хозяйка, немного обеспокоенная, застыла в кухонных дверях с белой тряпкой на перевес.

Эгерт обернулся к гвардам:

— Ножи! Кинжалы! Что есть, ну!

Через минуту он был вооружен, как еж.

— Ты пьян, Эгерт, — проронил, будто невзначай, другой лейтенант, по имени Дрон.

В толпе гвардов вскинулся смуглый молодой человек:

— Да сколько он выпил?! Это же клопу по колено, сколько он выпил, с чего это он пьян?

Соль расхохотался:

— Верно! Фета, вина!

Фета повиновалась — не сразу, механически, просто потому, что не повиноваться приказу гостя у нее никогда не хватало смелости.

— Но... — пробормотала Ита, глядя, как в горло Солья опрокидывается, журча, винный водопад.

— Ни... слова, — выдавил тот, вытирая губы. — Отойдите... все.

— Да он пьяный! — крикнули из последних зрительских рядов. — Он же угробит девчонку, дурачье!

Последовала возня, которая, впрочем, скоро стихла — кричавшего, по-видимому, переубедили.

— Бросок — монета, — пояснил Ите пошатнувшийся Эгерт. — Бросок — монета... Стоять!!

Девушка, попытавшаяся было отойти от дубовой двери, испуганно отшатнулась на прежнее место.

— Раз, два... — Соль вытащил из груды оружия первый попавшийся метательный нож, — нет, так неинтересно... Карвер!

Смуглый юноша оказался рядом, будто только и ждал этого окрика.

— Свечи... Дай ей свечи в руки и одну — на голову...

— Не-ет! — Ита расплакалась. Некоторое время тишину нарушали только ее горестные всхлипывания.

— Давай так, — Соля, похоже, осенила незаурядная мысль, — бросок — поцелуй...

Ита вскинула на него заплаканные глаза; секунды промедления было достаточно:

— Лучше я! — и Фета, отгеснив товарку, встала под дверь и приняла из рук хохочущего Карвера горящие свечные огарки...

...Десять раз срезал клинок трепещущее пламя, и еще дважды вонзаясь в дерево прямо над девичьей макушкой, и еще трижды проходил на палец от виска. Пятнадцать раз лейтенант Эгерт Соля целовал скромную служанку Фету.

Считали все, кроме Иты — она удалилась на кухню рыдать. Глаза Феты закатились под лоб; меткие руки лейтенанта нежно лежали у нее на талии. Хозяйка смотрела печально и понимающе. У Феты обнаружился жар; господин Соля, обеспокоенный, сам вызвался проводить ее в ее комнату; отсутствовал он, впрочем, не так уж долго, и, вернувшись, встречен был восхищенными, слегка завистливыми взглядами.

Ночь перевалила через наивысшую свою точку и вполне могла называться утром, когда компания покинула наконец гостеприимное заведение; Дрон сказал в спину пошатающемуся Эгерту:

— Все матери в округе пугают дочек лейтенантом Соллем... Ты, пройдоха!

Кто-то хохотнул:

— Купец Вапа... Ну, тот богач, что купил пустой дом на набережной... Так вот, он привез из предместья... молодую жену, и — что ты думаешь? — ему уже донесли... Бойтесь,

говорят, не чумы и разорения, бойтесь гуарда по имени Солль...

Все захохотали, и только Карвер нахмурился, услышав упоминание о купцовой жене. Бросил сквозь зубы:

— То-то я думаю... Кто-то вякнул по простоте душевной, а купец теперь глаз не смыкает... Сторожит...

Он раздраженно тряхнул головой — видимо, купцова жена не первый день занимала его мысли, а ревнивый муж ее успел досадить уже одним своим существованием.

Эгерт, пошатнувшись, остановился, и благостная рассеянность на его лице понемногу уступила место интересу:

— Врешь?

— Если б врал, — отозвался Карвер неохотно. Похоже, разговор был ему в тягость.

Вся компания понемногу встала; кто-то заинтригованно хмыкнул.

Эгерт вытащил из ножен шпагу, свою знаменитую, древней работы шпагу, и торжественно объявил, обращаясь к узкому лезвию:

— Даю обет... Что купец не уберется ни от чумы, ни от разорения, ни...

Последние его слова потонули в новом взрыве хохота. Карвер помрачнел и втянул голову в плечи.

Славный город Каваррен был столь же древен, сколь и воинственен. Ни в одном другом городе не жили бок о бок столько славных потомков древних династий; ни в одном другом городе не произрастало рядом такое количество генеалогических древ. Нигде более не ценились столь высоко отвага и умение владеть оружием — сравниться с этой доблестью могло разве что умение выращивать бойцовых вепрей.

Любой дом в Каваррене мог при необходимости выдержать натиск многотенного войска — так крепки и толсты были стены, так неприступно темнели узкие окна, так мно-

го стальных шипов там и сям торчало из ворот и дверей. В подвале каждого дома бережно хранился целый арсенал разнообразнейшего оружия, а над крышей гордо развевалось украшенное бахромой знамя. На внешней стороне ворот обычно красовался герб, один вид которого обратил бы в бегство целую армию — так много там было когтей и зубов, горящих глаз и свирепо оскаленных пастей; сам же город был обнесен крепостной стеной, а ворота были снабжены столь угрожающими атрибутами, что, вздумай даже Харс — Покровитель Воинов атаковать Каваррен, он лишился бы головы либо бежал без оглядки.

Но более всего Каваррен гордился своим элитным полком, полком гвардов. Стоило в хоть сколько-нибудь уважаемой семье родиться сыну, как отец тут же добивался зачисления розового крохи в славные воинские ряды. Ни одно празднество не обходилось без парада; улицы и без того спокойного городка неустанно патрулировались, кабачки процветали, матери строго призывали дочерей к благоразумию, а время от времени случались и дуэли, о которых потом говорили долго и с удовольствием.

Впрочем, гварды славились не только попойками и похождениями. В истории полка были победы в кровопролитных войнах, которые весьма часто вспыхивали в старые времена; нынешние гварды, потомки славных бойцов прошлого, не раз являли воинское искусство в стычках со злобными, хорошо вооруженными бандами разбойников, время от времени наполнявших окрестные леса. Все уважаемые люди города провели молодость в седле и с оружием в руках.

Однако самым страшным событием в истории города была отнюдь не какая-нибудь война или осада, а Черный Мор, явившийся в Каваррен много десятилетий назад и за три дня сокративший число горожан едва ли не вдвое. Против Мора бессильны оказались и стены, и укрепления, и острая сталь. Каварренские старики, пережившие в детст-

ве Мор, любили рассказывать внукам страшные истории; от всех этих ужасов юноши могли повредиться в уме, не обладай молодость счастливой способностью — выпускать из левого уха наставления, только что влетевшие в правое.

Эгерт Солль был плоть от плоти родного Каваррена, был верным сыном и воплощением его доблестей. Умри он вдруг, в одночасье, в возрасте двадцати с половиной лет — он мог бы, пожалуй, стать духом Каваррена; впрочем, в красивую белокурую голову взбрело все, что угодно, только не мысли о смерти.

Пожалуй, Эгерт вообще не верил в ее существование — это он-то, успевший убить на дуэли двоих! Оба случая имели широкую огласку, но, поскольку речь шла о чести и все дуэльные правила были строго соблюдены, о Солле говорили скорее с уважением, нежели хоть сколько-нибудь осуждая. Рассказы же о прочих поединках Солля, в которых противники его отделались ранами или увечьями, попросту служили хрестоматийными примерами для юношей и подростков.

Впрочем, с некоторых пор Эгерт дрался на дуэли все реже — не потому, что иссяк его боевой азарт, а потому, что все меньше было охотников напороться на его фамильный клинок. Солль был самозабвенным мастером фехтования; с тринадцати лет, когда взамен детской шпажки отец торжественно вручил ему семейную реликвию с витой рукояткой, шпага стала единственной его игрушкой.

Неудивительно поэтому, что у Солля совсем не было врагов — что в какой-то мере уравновешивалось избытком друзей. Друзья встречали его в каждой таверне, друзья сонмищем следовали за ним по пятам — и невольно становились свидетелями и участниками его буйных забав.

Обожающий всякого рода опасность, он находил особую прелесть в танцах на лезвии бритвы. Однажды на спор он влез по внешней стене на пожарную каланчу — самое высокое сооружение в городе — и трижды прозвонил в ко-

локол, вызвав тем самым немалую тревогу. Лейтенант Дрон, заключивший с Соллем пари, вынужден был поцеловать в губы первую встречную даму — а дама оказалась старой девой, тетушкой бургомистра, то-то был скандал!

В другой раз пострадал гуард по имени Лаган — он проиграл пари, когда Солль на глазах у всех оседлал здорового бурого быка, свирепого, но совершенно оцепеневшего от такой наглости. Зажав в зубах конскую уздечку, Лаган тащил Солля на плечах от городских ворот до самого дома...

Но больше всех доставалось Карверу.

Они были неразлучны с детства — Карвер льнул к Соллю и был привязан к нему, как брат. Не особенно красивый, но и не урод, не особенно сильный, но и не самый слабый, Карвер всегда проигрывал сравнение с Эгертом — и в то же время принимал на себя отблеск его славы. С малых лет он честно зарабатывал право называться другом такой выдающейся личности, снося порой и унижения, и насмешки.

Он хотел быть таким, как Солль, он так страстно этого желал, что незаметно для себя перенимал у друга повадки и манеру говорить, походку, даже голос. Он научился плавать и ходить по канату — только небо знает, чего это стоило ему... Он научился громко смеяться над собственным падением в грязную лужу, он не плакал, когда камушек, метко брошенная мальчишкой Соллем, оставлял кровоподтек на плече или колене. Великолепный друг ценил его самоотверженность и по-своему любил Карвера; это не мешало Соллю забывать о существовании приятеля, если тот не попадался ему на глаза хотя бы день. Однажды четырнадцатилетний Карвер решился на испытание — сказавшись больным, он целую неделю не появлялся среди товарищей, сидел дома, с трепетом ожидая, когда же Солль вспомнит о нем. Солль не вспомнил — его отвлекали многочисленные забавы, игрища, пикники; он не знал, конечно, что Карвер

молча просидел у окна все семь дней своего добровольного затворничества и однажды, сам себя презирав, даже заплакал горькими злыми слезами. Страдая от одиночества, Карвер клялся навсегда порвать с Эгертом — а потом не выдержал и явился к нему и был встречен с такой неподдельной радостью, что тут же позабыл обиду...

Мало что изменилось, когда оба повзрослели. Робкому Карверу не удавались любовные похождения — Эгерт настаивал друта, между делом уводя из-под его же носа симпатичных Карверу девушек. Тот вздыхал и прощал, считая собственное унижение самопожертвованием ради дружбы.

Эгерт имел обыкновение требовать от окружающих такой же отваги, какой обладал сам, и всячески насмеяться над приятелями, не оправдавшими его ожиданий. Тут Карверу приходилось особенно туго; однажды поздней осенью, когда речка Кава, огибающая город, взялась первым льдом, Эгерт предложил состязания — кто быстрее перебежит по льду с берега на берег. Все приятели его тут же сослались на спешные дела, хвори и недуги — а Карвер, оказавшийся по обыкновению под рукой, получил в лицо презрительную усмешку и такое едкое словечко, которое заставило его залиться краской от ушей до самых пяток... Чуть не плача, он согласился на условия Соля.

Конечно, Эгерт, который был выше и тяжелее, благополучно проскользнул по гладкому льду на противоположный берег, и удивленные рыбы в темной глубине разинули рты. Конечно, Карвер в решающий момент испугался, приостановился, собираясь вернуться, — и с треском ухнул в черную, лучистую, как звезда, полынью, великодушно предоставив Эгерту возможность спасти себя и тем самым заработать новые лавры.

Интересно, что он искренне был благодарен Солю, вытащившему его из ледяной воды.

...Матери взрослых дочерей вздрагивали при одном имени Эгерта Соля, отцы подрастающих сыновей стави-

ли его юношам в пример. Рогоносцы хмурились, встретив Эгерта на улице, — и все же учтиво приветствовали его. Бургомистр прощал ему учиняемые в городе каверзы и дебоши, сквозь пальцы смотрел на поступающие на Солля жалобы — потому что еще жив был в памяти тот случай во время веприных боев.

Отец Солля, как и многие в Каваррене, разводил боевых вепрей — а это считалось тонким и уважаемым искусством. Черные вебри из дома Солля были исключительно свирепы и кровожадны, конкуренцию им составляли только бурые полосатые вебри из дома бургомистра. Не было боев, в финале которых не встречались бы эти вечные соперники; борьба велась с переменным успехом, пока однажды, погожим летним днем, бурый полосатый чемпион по кличке Рык не взбесился прямо на ристалище.

Походя пропоров брюхо противнику — черному красавцу Харсу, — обезумевший кабан кинулся на публику. Собственный полосатый товарищ, случившийся по дороге и упавший с распоротым брюхом, задержал безумца ненадолго; бургомистр, по традиции занимавший с семейством первый ряд, успел только истошно завопить и, подхватив жену, вспрыгнуть ногами на обитое бархатом сиденье.

Никто не знает, чем закончилась бы сия кровавая драма; вполне возможно, что многие, кто пришел в этот день полюбоваться боями, и прежде всего бургомистр, разделили бы печальную участь красавца Харса, ибо Рык, с поросячьего возраста возвращенный в свирепости, решил, по-видимому, что вот он, наконец-то, его день. Бедняга ошибся — это был день не его, а Солля, который оказался в центре событий раньше, чем публика в задних рядах поняла, что происходит.

Эгерт выкрикивал в адрес Рыка самые оскорбительные, по его мнению, для вепря слова; в левой руке его неустанно вращалась ослепительно яркая ткань (как потом оказалось, накидка одной из экстравагантных дам, прикрывавшей его

свои обнаженные плечи). Рык замешкался всего на секунду — этой секунды хватило бесстрашному Соллю, чтобы подскочив вплотную, всадить под лопатку бурого безумца свой длинный, выигранный на пари кинжал.

Потрясенный бургомистр преподнес дому Соллей самый щедрый из возможных подарков: всех бурых полосатых вепрей, содержавшихся в его загонах, в одночасье зажарили и съели (правда, мясо их оказалось жестким и жилистым). Эгерт сидел во главе стола; отец его глотал слезы умиления — ведь теперь черные красавцы Соллей не знали в городе равных! Подступающая старость сулила Соллю-старшему покой и утешение, поскольку сын его был лучшим из сыновей.

Мать Эгерта не присутствовала тогда на пиршестве — она часто хворала и не любила шумных сборищ. Когда-то сильная и здоровая женщина, впервые она слегла после того, как Эгерт убил на дуэли своего первого противника; Соллю иногда приходило в голову, что мать его избегает, едва ли не боится. Впрочем, он всегда гнал от себя странные или неприятные мысли.

...Ясным солнечным днем — пожалуй, это был первый по-настоящему весенний день — купцу Вапе, гулявшему по набережной под руку с молодой женой, случилось приятное знакомство.

Новый знакомец, показавшийся Вапе чрезвычайно благородным молодым человеком, был, как ни странно, господин Карвер Отт; знаменательным было то, что юный гвард прогуливался в обществе сестры — незаурядных размеров девицы с высокой пышной грудью и скромно опущенными серо-голубыми глазами.

Девицу звали Бертиной; вчетвером — Карвер рука об руку с Вапой, Бертина подле красавицы Сении, молодой купцовой жены, — они непринужденно прошлись взад-вперед по набережной.

Вапа был удивлен и одновременно растроган — впервые кто-то из «этих проклятых аристократов» проявил к нему столь теплое внимание. Сения мельком поглядывала на юное лицо Карвера и опускала глаза, будто опасаясь наказания за один только запретный взгляд.

Миновали группу гуардов, картинно расположившуюся вокруг парапета; Сения, бросив опасливый взгляд, обнаружила вдруг, что молодые люди не беседуют, как обычно, — отвернувшись, как по команде, в сторону реки, все они одинаково зажимали руками рты и время от времени странно сотрясались, словно всех в одночасье поразил один и тот же недуг.

— Что это с ними? — удивленно спросила она у Бертины.

Та только грустно покачала головой и пожала плечами.

С беспокойством переведя взгляд с гуардов на сестру и с сестры на Сению, Карвер вдруг понизил голос:

— Ах, поверьте, в городе, где так сильны традиции разврата... Бертина — невинная девушка... И очень трудно выбрать ей подруг, будучи уверенным, что тлетворные влияния... О, как было бы хорошо, если бы Бертина подружилась с госпожой Сенией!

В последних словах его проскользнул вздох.

Вчетвером повернули и пошли в обратную сторону; гуардов у парапета стало меньше, те, что остались, упорно смотрели на реку, а один сидел прямо на булыжной мостовой и всхлипывал.

— Пьяны по обыкновению, — осуждающе заметил Карвер. Сидящий поднял на него мутные глаза — и согнулся пополам, не в силах сдержать хохот, раздирающий ему грудь.

На другой день Карвер с сестрой нанесли Вапе визит; Бертина призналась Сении, что совсем не умеет вышивать шелком.

На третий день Сеня, которой нестерпимо скучно было коротать дни в одиночестве, попросила мужа разрешить ей почаще встречаться с Бертиной — это развлечет обеих, к тому же сестра Карвера попросила ее об уроках вышивания.

На четвертый день Бертина явилась, сопровождаемая, как стражей, верным братом, который был непривычно хмур и вскоре раскланялся. Купец уселся за счета; Сеня повела гостью наверх, в свои комнаты.

Посвистывала канарейка в узорной клетке; извлечены были из корзинки иглы и тонкое полотно. Пальцы Бертины, слишком жесткие и грубые, отказывались подчиняться, но девушка старалась изо всех сил.

— Милая, — задумчиво произнесла вдруг Сеня посреди урока, — а правда, что ты совсем-совсем невинна?

Бертина укололась иголкой и сунула палец в рот.

— Не смущайся, — улыбнулась Сеня, — мне кажется, мы можем быть друг с другом вполне откровенны... Ты и правда... ну, понимаешь?

Бертина подняла на Сению ясные серые глаза, и та с удивлением увидела, что глаза эти невообразимо грустны:

— Ах, Сеня... Ах, это такая печальная история...

— Я так и думала! — воскликнула жена Вапы. — Он соблазнил тебя и бросил, да?

Бертина помотала головой и снова тяжело вздохнула.

Некоторое время в комнате было тихо; потом с улицы донесся дружный смех двух десятков молодых глоток.

— Гуарды... — пробормотала Сеня, подойдя к окну. — Смеются... Отчего они все время здесь смеются?

Бертина всхлипнула. Сеня вернулась и присела рядом:

— Послушай... а ОН... твой возлюбленный... Был гуард?

— Если бы... — прошептала Бертина, — гуарды нежны и благородны... гуарды верны и мужественны... гуарды...

Сеня скептически поджала губы:

— Вот уж не думаю, что гуарды верны... Кстати, твоего возлюбленного звали не Эгерт Солль?

Бертина подпрыгнула на подушках. Снова стало тихо.

— Милая, — шепотом начала Сеня, — а ты... можешь мне сказать... Ты испытала... ну, понимаешь, говорят, что женщина тоже испытывает... наслаждение... Понимаешь?

И Сеня покраснела — такая откровенность далась ей нелегко.

Бертина снова подняла глаза — на этот раз удивленные:

— Но, милая... Ты же замужем!

— Да в том-то и дело, — Сеня резко встала, недовольная собой. Прощедела сквозь зубы: — Замужем... В том-то и дело...

Ее гостя медленно отложила вышивание.

Их беседа длилась около часа; Бертина говорила и говорила, и голос ее не хрипел, а, напротив, обретал почти музыкальные нотки. Она закатывала глаза и нежно поглаживала спинку кресла; она ворковала, и Сеня, замершая с расширенными глазами, только переводила дыхание да время от времени облизывала пересохшие губы.

— И все это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** бывает? — спросила она наконец дрожащим, прерывающимся голосом.

Бертина медленно, торжественно кивнула.

— И я этого **НИКОГДА** не узнаю? — прошептала Сеня, замирая от горя.

Бертина поднялась. Набрала в грудь воздуха, будто намереваясь кинуться в холодную воду. Рванула на груди платье... На пол один за другим упали два круглых, набитых ватой мешочка.

У Сении перехватило дыхание, и она не смогла закричать.

Платье сползло с Бертины, как кожа со змеи. Под платьем обнаружили мускулистые плечи, широкая грудь, покрытая курчавыми волосами, живот с выступающими буграми мышц...

Когда платье скользнуло ниже, Сеня закрыла руками глаза.

— Если ты закричишь, — шепотом сказал тот, кто был Бертиной, — твой же собственный муж тебя...

Сеня не дослушала — она попросту лишилась чувств.

Конечно, Эгерт не стал пользоваться беспомощностью слабой женщины. Конечно, ему скоро удалось привести Сению в чувство; вышло так, что доверительная беседа скоро возобновилась — теперь уже в новом качестве.

— Ты... обещаешь? — спрашивала Сеня, дрожа всем телом.

— Слово гварда.

— Ты... гвард?

— Спрашиваешь! Я Эгерт Солль!

— Но...

— Только с твоего согласия.

— Но...

— Одно слово — и я уйду...

— Но...

— Уходить?

— Нет!!

Купец Вапа на первом этаже сердито нахмурился — в счета вкралась ошибка. Два десятка гвардов под окнами его дома соскучились и собрались расходиться.

...Корзинка с рукоделием давно скатилась на пол, растеряв цветные клубки ниток. Канарейка в клетке примолкла, удивленная.

— О... Светлое небо... — Сеня задыхалась, обвив руками шею Солля. Тот молчал — ему было не до бесед.

Бедная птичка забеспокоилась — ее клетка, расположенная над самой постелью, мерно и сильно раскачивалась. Старинные часы пробили величественную серию ударов, потом еще и еще.

— О... добрые духи... Светлое небо... — Сеня не знала, кого еще помянуть, и еле сдерживалась, чтобы не завопить во все горло.

...Купец Вапа удовлетворенно потер руки — ошибка исправлена, нерадивый писец вскоре лишится места... Как хорошо, однако, что Сеня подружилась с сестрой этого господина Карвера! Целый день ее не слышно и не видно, не вертится перед глазами, не канючит и не просится погулять... Даже непривычно — купец усмехнулся. Не подняться ли, не проведать ли мастериц?

Он уже привстал, намереваясь покинуть кресло, — но поморщился от боли в пояснице и остался сидеть.

...Эгерт Соль, пошатываясь, выглянул из окна на набережную. Нагой и расслабленный, он стоял в оконном проеме и смотрел на товарищей с укоризной... Купец Вапа вздрогнул и поморщился: проклятые гварды! Ну что за хохот, что за вой...

Спустя несколько минут спустились Сеня с Бертиной; Вапе показалось, что жена несколько не в себе, будто урок вышивания уж очень ее утомил. Прощаясь, она с особенной нежностью заглянула Бертине в глаза:

— Ты... придешь еще, да?

— Непременно, — вздохнула девушка, — мне никак не дается... этот стежок... милая Сеня...

Купец презрительно поморщился: до чего сентиментальны эти женщины...

— Язык отрежу, — сказал Соль друзьям в кабачке. — Кто будет болтать... ясно?

Ни у кого не оставалось сомнений, что так он и сделает, если тайна купчихи Сении получит в городе огласку. Все помнили о фамильном клинке и молчали.

Карверу, сыгравшему во всей истории немаловажную роль, подмигивали и жали руку. Поздравления, похоже,

доставляли ему мало радости — несмотря на падавший на него отблеск Соллевой славы, «брат» первым напился и молча ушел.

* * *

Весна разразилась проливными дождями; по крутым мощеным улочкам неслись мутные потоки, дети кухарок и лавочников отправляли в плавание деревянные башмаки под парусом, а юные аристократы с тихой завистью глядели на них из высоких стрельчатых окон.

Однажды утром к гостинице «Благородный меч», которая располагалась едва ли не в самом центре Каваррена, подкатила простая дорожная карета; кучер, против обыкновения, не кинулся открывать дверцу, а равнодушно остался сидеть на козлах — похоже, пассажиры были не его господами, а всего лишь нанимателями. Дверца распахнулась сама, и невысокий, очень худой молодой человек откинул подножку, чтобы выйти.

Приезжие не были в Каваррене такой уж редкостью, и, возможно, прибытие кареты прошло бы незамеченным, если б напротив, в трактире «Верный щит», не коротал время Эгерт Солль с друзьями.

— Гляди-ка! — сказал Карвер, сидевший у самого окна.

Две или три головы повернулись в его сторону, прочие господа слишком увлечены были беседой и вином.

— Гляди-ка! — и Карвер подтолкнул в бок сидевшего рядом Соля.

Эгерт взглянул — молодой человек к тому времени уже соскочил на мокрый булыжник и протягивал руку кому-то невидимому, все еще остававшемуся внутри. Юноша одет был во все темное — и глаз Соля сразу резанула какая-то несуразность в облике молодого незнакомца.

— У него нет шпаги, — сказал Карвер.

Тут только Эгерт увидел, что незнакомец безоружен, что на нем нет даже перевязи, а на тонком поясе — ни кин-

жала, ни хотя бы кухонного ножа. Соль пригляделся еще внимательнее — одежда незнакомца строгостью походила на форменную, но если это и была форма, то ни в коем случае не военная.

— Это студент, — объяснил Карвер. — Наверняка студент.

Юноша тем временем, переговорив с кем-то внутри кареты, подошел расплатиться с кучером; тот по-прежнему не проявлял ни доли почтения — похоже, студент не был к тому же и богат.

— А что, — протянул Эгерт сквозь зубы, — студенты, подобно женщинам, не носят оружия?

Карвер хохотнул.

Эгерт презрительно ухмыльнулся и готов был отвернуться от окна — но в этот момент, опираясь на руку студента, из экипажа выбралась девушка. В кабачке как-то сразу стало тихо.

Лицо ее казалось озабоченным, бледным от усталости и печальным от дождя — но даже это не могло его испортить. Это было совершенное, почти что выточенное из мрамора лицо — только там, где у мраморных статуй белеют слепые мертвые очи, у этой девушки матово поблескивали темные, спокойные, без тени кокетства глаза.

Как и одежда ее спутника, платье приезжей было простым дорожным платьем — не умеющим, впрочем, скрыть ни прекрасных форм, ни легкости и гибкости движений. Девушка соскочила на бульжник рядом с юношей — тот что-то сказал, и мягкие губы его усталой спутницы чуть улыбнулись, а глаза, казалось, стали еще глубже и ярче.

— Немыслимо, — прошептал Эгерт.

Кучер тронул карету — оба отскочили, спасаясь от брызнувшей во все стороны жидкой грязи. Потом молодой человек вскинул на плечо объемистую котомку — и вдвоем, держась за руки, приезжие вступили во владения «Благородного меча». Закрылась увитая вензелями дверь.

В трактире заговорили все разом; Эгерт молчал, не отвечая на вопросительные взгляды; потом уронил в сторону Карвера:

— Мне нужно знать, кто они.

Тот привычно поднялся, спеша услужить другу. Соль смотрел, как, перепрыгивая лужи, Карвер спешит через улицу к «Благородному мечу»; снова хлопнула дверь с вензелями, и прошло около четверти часа, прежде чем Эгертов приятель вернулся:

— Да, он студент... Пробудет, очевидно, около недели, — и Карвер замолчал, с удовольствием ожидая вопроса.

— А она? — бросил Эгерт.

— Она, — Карвер странно усмехнулся, — она не сестра ему и не тетка, как я надеялся... Она — невеста этого парня, и, похоже, свадьба не за горами!

Эгерт молчал — сообщение Карвера, хоть и не было неожиданностью, неприятно задело его, почти оскорбило.

— Противоестественный брак, — сказал кто-то из гардов. — Мезальянс.

Все шумно согласились.

— А я слышал, — вставил Карвер удивленно, — что студентов всех оскопляют, дабы не отвлекались на плотские наслаждения и полностью предали себя науке... Что, врут, выходит?

— Выходит, врут, — разочарованно пробормотал лейтенант Дрон, опрокидывая забытый было кубок.

— Без шпаги ходит — все равно что скопец, — тихо проронил Соль. Все обернулись в его сторону.

По лицу Эгерта неудержимо расплзалась хищная, презрительная ухмылка:

— Зачем скопцу женщина, господа, да еще ТАКАЯ?

Он встал — все уважительно расступились. Бросив хозяину несколько золотых монет — за всю компанию, — лейтенант Эгерт Соль вышел под дождь.

В тот же вечер приезжий молодой человек со своей спутницей ужинали на первом этаже «Благородного меча»; трапеза их была достаточно скромной, пока сам хозяин, блистая улыбкой, не водрузил на стол перед ними плетеную корзину, ошетилившуюся бутылочными горлышками:

— Госпоже — от господина Соля!

С этими словами, подтвержденными многозначительной улыбкой, хозяин удалился.

Эгерт, удобно устроившийся в уголке обеденного зала, видел, как студент и красавица удивленно переглянулись; после долгих колебаний салфетка, прикрывавшая корзинку, была сдернута, и на лицах склонившейся над подарком парочки отразилось радостное изумление — еще бы, яства и вина отобраны были с отменным вкусом!

Впрочем, на смену радости вскоре пришло замешательство; о чем-то жарко переговорив со спутницей, студент вскочил и отправился к хозяину — выяснять, по-видимому, кто такой этот щедрый даритель господин Соля.

Эгерт допил свой кубок и, неспешно поднявшись, двинулся через зал к оставшейся в одиночестве девушке; он специально не смотрел на нее в этот миг, боясь разочарования — вдруг красавица вблизи окажется вовсе не так хороша?

Зал был наполовину пуст — ужинали немногочисленные постояльцы да коротала время смирная компания горожан. «Благородный меч» слыл спокойным, пристойным заведением, хозяин тщательно оберегал его от шумных попок и потасовок. Оттягивая момент встречи с прекрасной дамой, Соля успел заприметить новое лицо — по-видимому, этот высокий немолодой путник прибыл совсем недавно и не успел еще попасться Эгерту на глаза.

Подойдя наконец к своей цели почти вплотную, Эгерт, внутренне изготовившись, взглянул на невесту студента.

Да, она была великолепна. Лицо ее не казалось больше таким усталым, и чуть порозовели гладкие, как алебастр,

щеки; теперь, вблизи, он рассмотрел даже маленькие, не замеченные раньше детали — созвездие из крохотных родинок на высокой гордой шее и необычайно крутой, дерзкий изгиб ресниц.

Эгерт стоял и смотрел; девушка медленно подняла голову, и Соль впервые встретился взглядом с ее серьезными, чуть отрешенными глазами.

— Добрый день, — сказал Эгерт и уселся на место, где только что сидел студент. — Госпожа не воспротивится обществу скромного почитателя красоты?

Девушка не смутилась и не испугалась; она только казалась чуть озадаченной:

— Простите, вы...

— Мое имя Эгерт Соль, — он встал, раскланялся и снова уселся.

— А-а... — она, кажется, собралась улыбнуться. — Так это вас мы должны благодарить...

— Ни в коем случае! — Эгерт казался испуганным. — Это мы, смиренные граждане Каваррена, должны благодарить вас за ту честь, которую вы оказали нам... — чтобы закончить витиеватую фразу, ему пришлось добрать в грудь воздуха, — оказали нам, удостоив своим посещением... Только вот как долго мы сможем оказывать вам гостеприимство?

Девушка улыбнулась-таки, и Соллю тут же захотелось, чтобы улыбка никогда не сходила с ее лица.

— Вы очень любезны... Мы пробудем неделю, может быть, больше...

Хозяйским движением Эгерт вытащил из корзинки и ловко откупорил первую попавшуюся бутылку:

— Разрешите выполнить долг гостеприимства и предложить вам... У вас родные в Каваррене, а может быть, друзья?

Она успела отрицательно покачать головой, но тут вернулся студент, и девушка улыбнулась уже ему — радостно,

не так, как улыбалась до этого Соллю; Эгерт отметил это, и в душе его шевельнулось неприятное чувство, похожее едва ли не на ревность.

— Динар, вот господин Эгерт Солль, который так любезно предоставил нам все это чудо... Познакомьтесь, господин Солль, это мой жених — Динар.

Студент кивнул Эгерту, но руки не подал — его счастье, потому что Солль никогда в жизни не пожал бы эту костистую, не знающую оружия ладонь, на которой, казалось, до сих пор темнели пятна въевшихся в кожу чернил. Вблизи студент показался Эгерту еще более жалким и неуклюжим — и Солль мысленно воззвал к небу, допустившему вопиющую несправедливость и посадившему за один стол студента и его прекрасную спутницу...

Впрочем, за столом теперь сидели красавица и Эгерт — стульев было всего два, и студенту оставалось только топтаться рядом.

Не обращая на него ни малейшего внимания, Солль снова обратился к девушке:

— Простите, я ведь так и не знаю вашего имени...

Переводя удивленный взгляд с переминающегося студента на развалившегося на стуле Эгерта, девушка механически ответила:

— Меня зовут Тория...

Эгерт тут же повторил это имя, будто проверяя его на вкус; студент тем временем опомнился и подтащил к столу третий стул, пустовавший неподалеку.

— У вас нет здесь ни родных, ни друзей... — привстав, Солль наклонился над бокалом собеседницы, причем рукав его совершенно естественным образом коснулся рукава Тории, — вернее сказать, не было, потому что теперь весь город, я думаю, захочет подружиться с вами... Вы просто путешествуете, развлекаетесь?

Студент, чуть нахмурившись, взял у служанки третий бокал и плеснул себе вина. Эгерт чуть усмехнулся уголком

ми губ — благородный напиток наполнял бокал студента едва ли на треть.

— Мы путешествуем, — немного скованно подтвердила девушка, — но не развлекаемся... Здесь, в Каваррене, много веков назад жил человек, интересующий нас... с научной точки зрения. Он был маг... Великий маг, и мы надеемся, что он оставил о себе память... В старинных архивах, манускриптах, летописях...

С каждым словом она все более воодушевлялась, забывая о своем минутном замешательстве: какие-то заплесневелые бумаги были ей, по-видимому, дороже родных братьев — на слове «архив» голос ее дрогнул от благоговения. Эгерт поднял бокал — все равно, чем вызвано воодушевление женщины, лишь бы горели ее глаза и розовели щеки:

— Пью за путешественников, разыскивающих манускрипты!.. Только в Каваррене отродясь не бывало летописей, по-моему...

Студент выпятил губы. Сказал безо всякого выражения:

— В Каваррене обширная историческая библиотека... В ратуше. Для вас это новость?

Соль не дал себе труда вступать с ним в разговор. Тория умела, по-видимому, ценить хорошие вина — глаза ее прикрылись от удовольствия после первого же глотка. Дав ей возможность насладиться, Эгерт вытащил из корзинки следующую бутылку:

— Обратите внимание... Гордость каварренских погребов, дитя южного виноградника, «Серенада муската»... Хотите попробовать?

Он снова наполнил ее бокал, вдыхая исходящий от нее запах — запах духов, настоянных на терпких травах; потом, касаясь рукавом ее теплого вздрагивающего рукава, положил на ее тарелку крохотный ломтик розовой грудинки. Студент мрачно вертел в длинных пальцах бутылочную пробку.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог 5

Часть первая

ЭГЕРТ

Глава первая 6

Глава вторая 50

Глава третья 88

Часть вторая

ТЕОРИЯ

Глава четвертая 104

Глава пятая 130

Глава шестая 191

Часть третья

ЛУАЯН

Глава седьмая 256

Глава восьмая 313

Глава девятая 337